

Тетрадь из Моабита.

Последний подвиг Мусы Джалиля

Одиннадцать смертников

25 августа 1944 года в берлинской тюрьме Плётцензее по обвинению в измене казнили 11 членов легиона «Идель-Урал» — подразделения, созданного гитлеровцами из советских военнопленных, прежде всего, татар.

Одиннадцать приговоренных к смерти были активом подпольной антифашистской организации, сумевшей разложить легион изнутри и сорвать немецкие планы.

Процедура казни на гильотине в Германии была отлажена до автоматизма — на то, чтобы обезглавить «преступников», у палачей ушло около получаса. Эзекуторы скрупулезно фиксировали очередность приведения приговоров в исполнение и даже время смерти каждого человека.

Пятым, в 12:18, расстался с жизнью **писатель Муса Гумеров.**

Под этим именем погиб Муса Мустафович Залилов, он же Муса Джалиль, поэт, главные стихи которого стали известны миру спустя полтора десятилетия после его гибели.

В начале было «Счастье»

Муса Джалиль родился 15 февраля 1906 года в деревне Мустафино Оренбургской губернии, в семье крестьянина Мустафы Залилова.

Еще до того, как Муса увлекся революционными идеями, в его жизнь вошла поэзия. Первые стихи, которые не сохранились, он написал в 1916 году. А в 1919 году, в газете «Кызыл Йолдыз» («Красная звезда»), которая выходила в Оренбурге, было опубликовано первое стихотворение Джалиля, которое называлось «Счастье». С тех пор стихи Мусы стали публиковаться регулярно.

«Кого-то из нас недосчитаются»

После Гражданской войны Муса Джалиль окончил рабфак, занимался комсомольской работой. Окончил в 1931 году литературный факультет МГУ.

Был редактором татарских детских журналов, издававшихся при ЦК ВЛКСМ, затем заведомом литературы и искусства татарской газеты «Коммунист», выходившей в Москве.

В 1939 году Джалиль с семьей переехал в Казань, где занял должность ответственного секретаря Союза писателей Татарской АССР.

22 июня 1941 года Муса с семьей собирался на дачу друга. На вокзале его и настигло известие о начале войны.

Поездку не отменили, но беззаботные дачные беседы сменились разговорами о том, что всех ждет впереди.

«— После войны кого-то из нас недосчитаются...», — сказал Джалиль друзьям.

Пропавший без вести

Уже на следующий день он отправился в военкомат с просьбой отправить его на фронт, но там отказали и предложили дожидаться, когда придет повестка.

Ожидание не затянулось — призвали Джалиля 13 июля, первоначально определив в артиллерийский полк конным разведчиком.

В это время в Казани состоялась премьера оперы «Алтынчеч», либретто к которой написал Муса Джалиль. Писателя отпустили в увольнение, и он пришел в театр в военной форме. После этого командование части узнало, что за боец у них служит.

Джалиля хотели демобилизовать или оставить в тылу, но сам он воспротивился попыткам его уберечь: «Мое место — среди бойцов. Я должен быть на фронте и бить фашистов».

В итоге в начале 1942 года Муса Джалиль отправился на Ленинградский фронт в качестве сотрудника фронтовой газеты «Отвага». Он много времени проводил на передовой, собирая необходимый для публикаций материал, а также выполняя поручения командования.

Весной 1942 года старший политрук Муса Джалиль оказался в числе попавших в гитлеровское окружение бойцов и командиров Второй Ударной армии. 26 июня он был ранен и захвачен в плен.

О том, как это произошло, можно узнать из сохранившегося стихотворения Мусы Джалиля, одного из написанных в плену:

*«Что делать?
Отказался от слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след».*

По всей видимости, поэт не собирался сдаваться в плен, но судьба решила иначе.

На родине на долгие годы за ним закрепился статус «пропал без вести».

Легион «Идель-Урал»

Со званием политрука Муса Джалиль мог быть расстрелян в первые дни пребывания в лагере. Однако никто из товарищей по несчастью его не выдал.

В лагере для военнопленных были разные люди — кто-то пал духом, сломался, а кто-то горел желанием продолжать борьбу. Из числа таких и сформировался подпольный антифашистский комитет, членом которого стал Муса Джалиль.

Провал блицкрига и начало затяжной войны заставили гитлеровцев пересмотреть свою стратегию. Если раньше они полагались только на свои силы, то теперь решили разыграть «национальную карту», пытаясь привлечь к сотрудничеству представителей различных народов. В августе 1942 года был подписан приказ о создании легиона «Идель-Урал». Его планировалось создать из числа советских военнопленных-представителей народов Поволжья, в первую очередь татар.

Гитлеровцы рассчитывали при помощи татарских политэмигрантов времен Гражданской войны воспитать из бывших военнопленных убежденных противников большевиков и евреев.

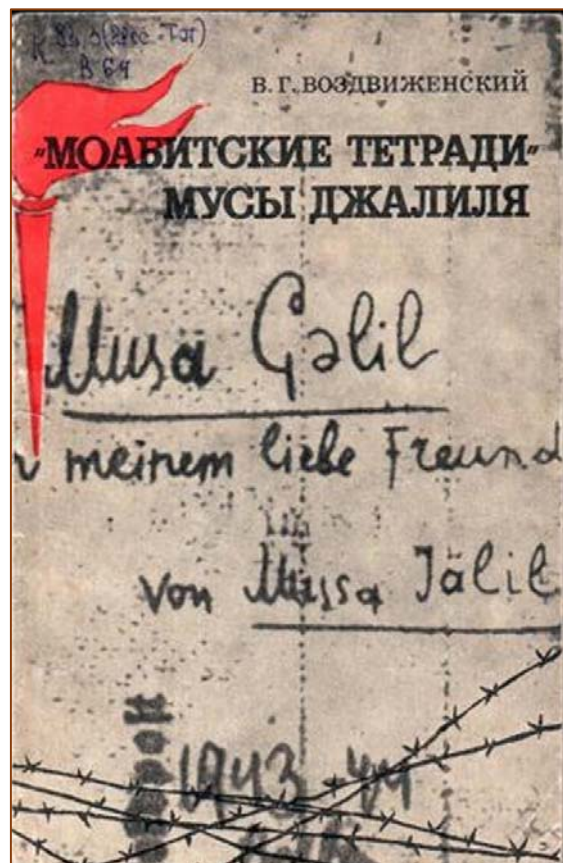
Кандидатов в легионеры отделяли от других военнопленных, освобождали от тяжелой работы, лучше кормили, лечили.

Среди подпольщиков шло обсуждение — как относиться к происходящему? Предлагалось бойкотировать приглашение поступить на службу немцам, но большинство высказалось за другую идею — поступить в легион, чтобы, получив от гитлеровцев вооружение и снаряжение, подготовить восстание внутри «Идель-Урала».

Так Муса Джалиль и его товарищи «встали на путь борьбы с большевизмом».

Подполье в сердце Третьего Рейха

Эта была смертельно опасная игра. «Писатель Гумеров» сумел заслужить доверие у новых руководителей и получил право заниматься культурно-просветительской работой среди легионеров, а также издавать газету легиона. Джалиль, разъезжая по лагерям для военнопленных, устанавливал конспиративные связи и под видом отбора самодеятельных артистов для созданной в легионе хоровой капеллы вербовал новых членов подпольной организации.

Эффективность подпольщиков была невероятной. Легион «Идель-Урал» так и не стал полноценной боевой единицей. Его батальоны поднимали восстания и уходили к партизанам, легионеры группами и поодиночке дезертировали, пытаясь добраться до расположения частей Красной Армии. Там, где гитлеровцам удалось не допустить прямого мятежа, дела шли также неважно — немецкие командиры докладывали, что бойцы легиона не в состоянии вести боевые действия. В итоге легионеров с Восточного фронта перебрасывали на Запад, где они тоже себя толком не проявили.

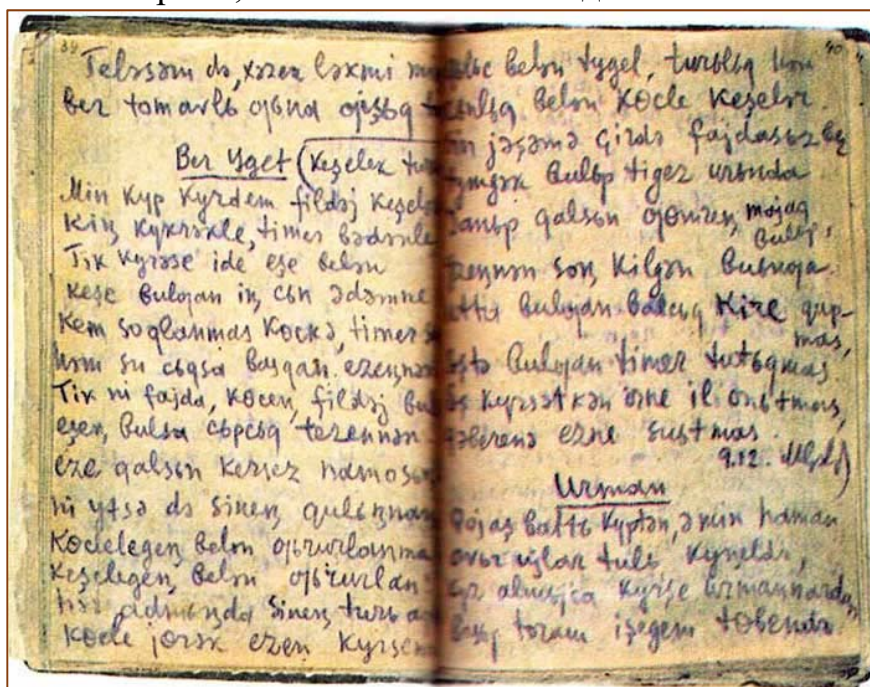
Однако гестапо тоже не дремало. Подпольщиков вычислили, и в августе 1943 года все руководители подпольной организации, включая Мусу Джалилия, были арестованы. Это произошло всего за несколько дней до начала общего восстания легиона «Идель-Урал».

Стихи из фашистских застенков

Подпольщиков отправили в застенки берлинской тюрьмы Моабит. Допрашивали с пристрастием, используя все мыслимые и немыслимые виды пыток. Избитых и изувеченных людей иногда вывозили в Берлин, останавливаясь в людных местах.

Заключенным показывали кусочек мирной жизни, а затем возвращали в тюрьму, где следователь предлагал выдать всех соучастников, обещая в обмен жизнь, подобную той, что течет на берлинских улицах.

Очень трудно было не сломаться. Каждый искал свои способы для того, чтобы держаться. Для Мусы Джалилия этим способом стало написание стихов.

Советским военнопленным не полагалась бумага для писем, но Джалилию помогли заключенные из других стран, сидевшие вместе с ним. Еще он отрывал чистые поля у газет, которые разрешались в тюрьме, и сшивал из них маленькие блокноты. В них он и записывал свои произведения.

Следователь, ведший дело подпольщиков, на одном из допросов честно сказал Джалилию, что того, что они сделали, хватит на 10 смертных приговоров, и лучшее, на что он может надеяться — расстрел. Но, скорее всего, их ждет гильотина.

Приговор подпольщикам был вынесен в феврале 1944 года, и с этого момента каждый день мог стать для них последним.

«Умру я стоя, не прося прощенья»

Те, кто знал Мусу Джалиля, говорили, что он был очень жизнелюбивым человеком. Но больше, чем неизбежная казнь, в заключении его тревожила мысль о том, что на родине не узнают, что с ним стало, не узнают, что он не был предателем.

Свои блокноты, написанные в Моабите, он передал товарищам по заключению, тем, кому не грозила смертная казнь.

25 августа 1944 года подпольщики Муса Джалиль, Гайнан Курмашев, Абдулла Алиш, Фуат Сайфульмулюков, Фуат Булатов, Гариф Шабаев, Ахмет Симаев, Абдулла Батталов, Зиннат Хасанов, Ахат Атнашев и Салим Бухалов были казнены в тюрьме Плётцензее. Немцы, присутствовавшие в тюрьме и видевшие их в последние минуты жизни, рассказывали, что держались они с удивительным достоинством. Помощник надзирателя Пауль Дюррхауер рассказывал: «Мне еще не приходилось видеть, чтобы люди шли на место казни с гордо поднятой головой и пели при этом какую-то песню».

*Нет, врешь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!
Мне жаль, что я тех, кто с тобою сроден,
Не тысячу — лишь сотню истребил.
За это бы у своего народа
Прощенья на коленях я просил.
Изменник или герой?*

Опасения Мусы Джалиля о том, что будут говорить о нем на родине, оправдались. В 1946 году Министерство госбезопасности СССР завело на него розыскное дело. Он обвинялся в измене родине и пособничестве врагу.

В апреле 1947 года имя Мусы Джалиля было включено в список особо опасных преступников.

Основанием для подозрений стали немецкие документы, из которых следовало, что «писатель Гумеров» добровольно поступил на службу к немцам, вступив в состав легиона «Идель-Урал».

Произведения Мусы Джалиля запретили публиковать в СССР, жену поэта вызывали на допросы. Компетентные органы предполагали, что он может находиться на территории Германии, оккупированной западными союзниками, и вести антисоветскую деятельность.

Но еще в 1945 году в Берлине советскими солдатами была обнаружена записка Мусы Джалиля, в которой он рассказывал о том, что вместе с товарищами приговорен к смерти как подпольщик, и просил сообщить об этом родным. Кружным путем, через писателя Александра Фадеева, эта записка дошла до семьи Джалиля. Но подозрения в измене с него сняты не были.

В 1947 году из советского консульства в Брюсселе в СССР прислали блокнот со стихами. Это были стихи Мусы Джалиля, написанные в Моабитской тюрьме. Блокнот вынес из тюрьмы сосед поэта по камере, бельгиец Андре Тиммерманс. Еще несколько блокнотов передали бывшие советские военнопленные, входившие в легион «Идель-Урал». Одни блокноты сохранились, другие затем исчезли в архивах спецслужб.

Символ стойкости

В итоге два блокнота, содержавшие 93 стихотворения, попали в руки поэту Константину Симонову. Он организовал перевод стихов с татарского на русский, объединив их в сборник «Моабитская тетрадь».

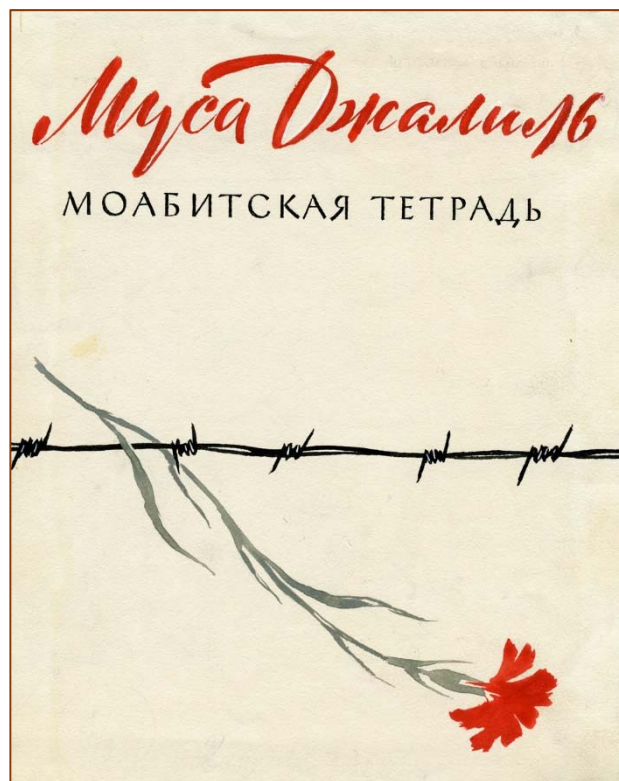
В 1953 году по инициативе Симонова в центральной печати вышла статья о Мусе Джалиле, в которой с него снимались все обвинения в измене родине. Были опубликованы и некоторые стихотворения, написанные поэтом в тюрьме.

Вскоре «Моабитская тетрадь» была издана отдельной книгой.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1956 года за исключительную стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, Залилову Мусе Мустафовичу (Мусе Джалилю) присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

В 1957 году Мусе Джалилю посмертно была присуждена Ленинская премия за цикл стихов «Моабитская тетрадь».

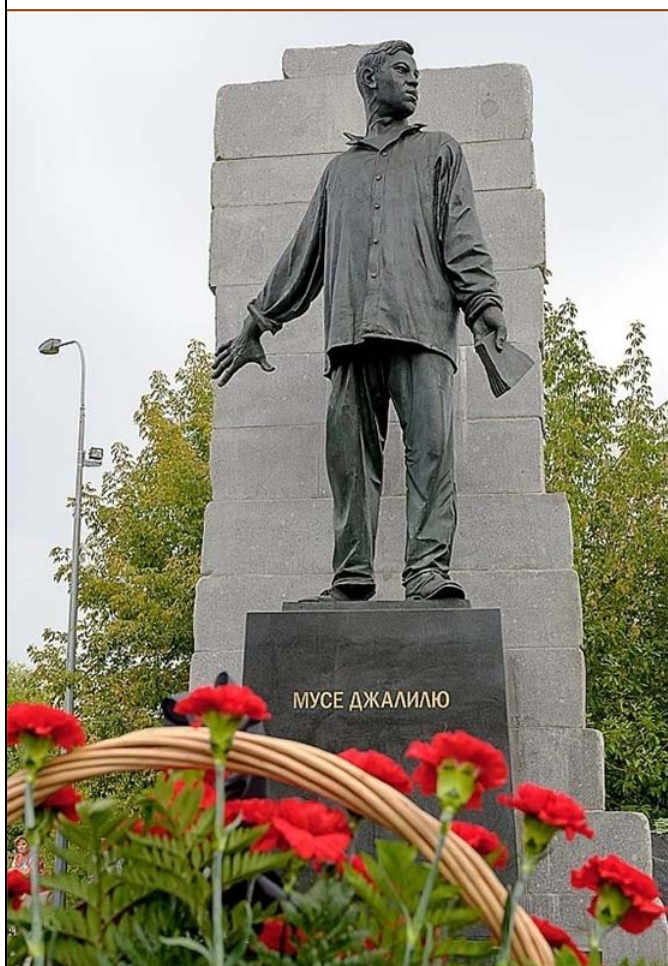
Стихи Мусы Джалиля, переведенные на 60 языков мира, считаются примером великого мужества и стойкости перед чудовищем, имя которому нацизм.

«Моабитская тетрадь» стала в один ряд с «Репортажем с петлей на шее» чехословацкого писателя и журналиста Юлиуса Фучика, который, как и Джалиль, написал свое главное произведение в гитлеровских застенках в ожидании казни.

*Не хмурься, друг, — мы только искры жизни,
Мы звездочки, летящие во мгле...
Погаснем мы, но светлый день Отчизны
Взойдет на нашей солнечной земле.*

*И мужество, и верность — рядом с нами,
И всё — чем наша молодость сильна...
Ну что ж, мой друг, не робкими сердцами
Мы встретим смерть. Она нам не страшна.*

*Нет, без следа ничто не исчезает,
Не вечен мрак за стенами тюрьмы.
И юные — когда-нибудь — узнают,
Как жили мы И умирали мы!*

Источник: https://aif.ru/culture/person/tetrad_iz_moabita_posledniy_podvig_musy_dzhalilya

В фонде БИК:

Джалиль М.

"Пылай, моя песнь". — 1989.

В сборник включены избранные стихи и поэмы, окружающие яркий творческий и жизненный путь выдающегося татарского писателя.

БИК Кусковская

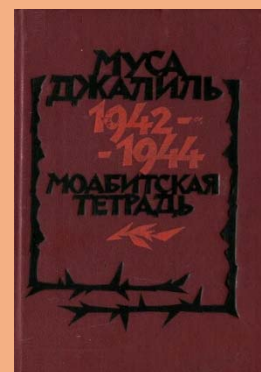

Джалиль М.

"Моабитская тетрадь". — 1957.

Стихотворения, составившие эту книгу, были написаны поэтом о фашистском застенке (1942-1944). За подвиг в борьбе против фашизма поэт был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, стихи его удостоены Ленинской премии.

БИК Кусковская

Джалиль М.

"Костер над обрывом". — 1987.

В книгу лауреата Ленинской премии Героя Советского Союза Мусы Джалиля вошли циклы стихотворений "Моабитская тетрадь", а также довоенные стихи, фронтовая лирика, стихи для детей, поэмы, письма и воспоминания о поэте. Вступительная статья С. Кошечкина.

БИК Кусковская

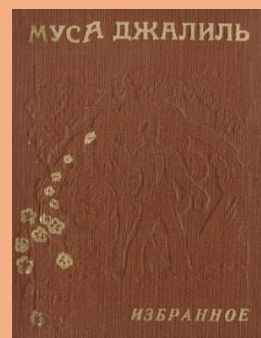

Джалиль М.

"Избранное". — 1990.

В сборник татарского поэта, расстрелянного нацистами в самом расцвете жизни (1944), вошли избранные стихотворения из циклов: Молодость, Письмо из окопа, Последняя песня.

БИК Кусковская

Джалиль М.

"Сквозь бури" .— 1986

В сборник включены избранные стихи и поэмы, отражающие яркий творческий и жизненный путь выдающегося татарского писателя-коммуниста, тонкого лирика и мужественного поэта-трибуна Мусы Джалиля. За свою бесстрашную антифашистскую борьбу поэт был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а написанные им в гитлеровской тюрьме, незадолго перед казнью, пламенные стихи, составившие знаменитую "Моабитскую тетрадь", были отмечены Ленинской премией, заслужили всемирную славу и признание.

БИК Кусковская

Клятва

*Сердцем сокол
Клятву поет,
Сердцем клятву
Дает джигит.
Седлает коня,
В стремена встает
Сыплются искры
Из-под копыт.*

*Там, где летел он
На верном коне –
Танки и пушки
Дымились в огне.
Смерти джигит
Не страшился в бою
Где же он взял
Эту силу свою?*

*Крепче чем меч
И верней скакуна
Клятва джигита,
Что сердцем дана.
Просто всем сердцем
Любил он народ.
Просто две клятвы
Джигит не дает!*

Сон в тюрьме

*Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригладила мне чуб ручонкой.
— Ой, долго ты ходил! – сказала мне,
И прямо в душу глянул взор ребенка.*

*От радости кружилась голова,
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!*

*Потом мы с ней цветочные моря
Переплывали, по лугам блуждая;
Светло и вольно разлилась заря,
И сладость жизни вновь познал тогда я...*

*Проснулся я. Как прежде, я в тюрьме,
И камера угрюмая все та же,
И те же кандалы, и в полутьме
Все то же горе ждет, стоит на страже.*

*Зачем я жизнью сны свои зову?
Зачем так мир уродует темница,
Что боль и горе мучат наяву,
А радость только снится?*

Варварство

Они с детьми погнали матерей
И яму рыть заставили, а сами
Они стояли, кучка дикарей,
И хриплыми смеялись голосами.

У края бездны выстроили в ряд
Бессильных женщин, худеньких ребят.
Пришел хмельной майор и медными глазами
Окинул обреченных... Мутный дождь

Гудел в листве соседних роц
И на полях, одетых мглою,
И тучи опустились над землею,
Друг друга с бешенством гоня...

Нет, этого я не забуду дня,
Я не забуду никогда, вовеки!
Я видел: плакали, как дети, реки,
И в ярости рыдала мать-земля.

Своими видел я глазами,
Как солнце скорбное, омытое слезами,
Сквозь тучу вышло на поля,
В последний раз детей поцеловало,

В последний раз...
Шумел осенний лес. Казалось, что сейчас
Он обезумел. Гневно бушевала
Его листва. Стужалась мгла вокруг.

Я слышал: мощный дуб свалился вдруг,
Он падал, издавая вздох тяжелый.
Детей внезапно охватил испуг,—
Прижались к матерям, цепляясь за подола.

И выстрела раздался резкий звук,
Прервав проклятье,
Что вырвалось у женщины одной.
Ребенок, мальчуган больной,

Головку спрятал в складках платья
Еще не старой женщины. Она
Смотрела, ужаса полна.
Как не лишиться ей рассудка!

Все понял, понял все малютка.
— Спрячь, мамочка, меня! Не надо умирать! —
Он плачет и, как лист, сдержать не может
дрожи.
Дитя, что ей всего дороже,

Нагнувшись, подняла двумя руками мать,
Прижала к сердцу, против дула прямо...
— Я, мама, жить хочу. Не надо, мама!
Пусти меня, пусти! Чего ты ждешь? —

И хочет вырваться из рук ребенок,
И страшен плач, и голос тонок,
И в сердце он вонзается, как нож.
— Не бойся, мальчик мой.
Сейчас вздохнешь ты вольно.

Закрой глаза, но голову не прячь,
Чтобы тебя живым не закопал палач.
Терпи, сынок, терпи. Сейчас не будет больно —

И он закрыл глаза. И заалела кровь,
По шее лентой красной извиваясь.
Две жизни наземь падают, сливаясь,
Две жизни и одна любовь!

Гром грянул. Ветер свистнул в тучах.
Заплакала земля в тоске глухой,
О, сколько слез, горячих и горючих!
Земля моя, скажи мне, что с тобой?

Ты часто горе видела людское,
Ты миллионы лет цвела для нас,
Но испытала ль ты хотя бы раз
Такой позор и варварство такое?

Страна моя, враги тебе грозят,
Но выше подними великой правды знамя,
Омой его земли кровавыми слезами,
И пусть его лучи пронзят,

Пусть уничтожат беспощадно
Тех варваров, тех дикарей,
Что кровь детей глотают жадно,
Кровь наших матерей...

..... октябрь 1943 год

Чулочки

Их расстреляли на рассвете,
Когда еще белела мгла.
Там были женщины и дети
И эта девочка была.

Сперва велели им раздеться
И встать затем ко рву спиной,
Но прозвучал вдруг голос детский
Наивный, чистый и живой:

Чулочки тоже снять мне, дядя?
Не осуждая, не браня,
Смотрели прямо в душу глядя
Трехлетней девочки глаза.

«Чулочки тоже» —
и смятеньем на миг ээсовец объят
Рука сама собой с волненьем
вдруг опускает автомат.

Он словно скован взглядом синим,
и кажется он в землю врос,
Глаза, как у моей дочурки? —
в смятенье сильном произнес

Охвачен он невольно дрожью,
Проснулась в ужасе душа.
Нет, он убить ее не может,
Но дал он очередь спеша.

Упала девочка в чулочках...
Снять не успела, не смогла.
Солдат, солдат, что если б дочка
Вот здесь, вот так твоя легла...

Ведь это маленькое сердце
Пробито пулею твоей...
Ты Человек, не просто немец
Или ты зверь среди людей...

Шагал ээсовец угрюмо,
С земли не поднимая глаз,
Впервые может эта дума
В мозгу отравленном зажглась.

И всюду взгляд струится синий,
И всюду слышится опять,
И не забудется поныне:
«Чулочки, дядя, тоже снять?»

Отдохнуть бы от плена

*Покидая город в тихий час,
Долго я глядел в твои глаза.
Помню, как из этих черных глаз
Покатилась светлая слеза.*

*И любви и ненависти в ней
Был неиссякаемый родник.
Но к щеке зардевшейся твоей
Я губами жаркими приник.*

*Я приник к святому роднику,
Чтобы грусть слезы твоей испить
И за все жестокому врагу
Полной мерой гнева отомстить.*

*И отныне светлая слеза
Стала для врага страшнее гроз.
Чтобы никогда твои глаза
Больше не туманились от слез.*

*Земля!.. Отдохнуть бы от плена,
На вольном побыть сквозняке...
Но стынут над стенами стены,
Тяжелая дверь — на замке.*

*О, небо с душою крылатой!
Я столько бы отдал за взмах!..
Но тело на дне каземата
И пленные руки — в цепях.*

*Как плещет дождями свобода
В счастливые лица цветов!
Но гаснет под каменным сводом
Дыханье слабеющих слов.*

*Я знаю — в объятиях света
Так сладостен миг бытия!
Но я умираю...И это —
Последняя песня моя.*